

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1915

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВО ВЛАСТИ ВУЛКАНА,
ЕГО БЕЗЖАЛОСТНО СРУБИЛИ..
(стих.).

ПРЯХА (сказка).

ПРОКАЗНИКЪ (стих.).

МОЯ ОБЕЗЪЯНКА.

У БЕРЕГОВЫХЪ КАМНЕЙ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Изъ ямы въ лужу (игра).

Заволь (для склеиванія).

THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS

NO. 2

1912

SECRET

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

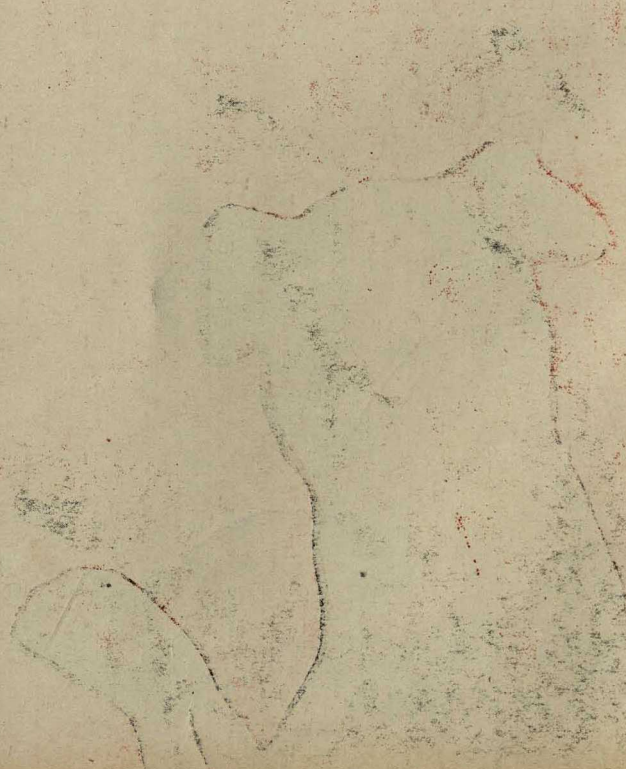
RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE NATIONAL ARCHIVES

№ 5. Январь. 1915.

Годъ изданія VIII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80 к.

3 р. 80 к.

Выходить ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

На Сандвичевыхъ островахъ.

ВО ВЛАСТИ ВУЛКАНА.

Сейчасъ я—уже бабушка, у меня много внучатъ, но тогда я была еще дѣвочкой по двѣнадцатому году, и была куда храбрѣе, чѣмъ теперь. Теперь я стала уже большою трусихой.

Меня зовутъ Эмма. Я родилась на Сандвичевыхъ островахъ, которые образуютъ небольшую группу на Великомъ океанѣ. Родители мои были знатнаго происхожденія, но я рано осиротѣла и была отдана на полное содержаніе въ пансіонъ, гдѣ скоро позабыла о своемъ происхожденіи и жила такъ-же, какъ и всѣ другія воспитанницы, бѣлыя и цвѣтнокожія. Я—цвѣтнокожая. Мои предки были на Сандвичевыхъ островахъ старшинами и вождями еще въ тѣ далекія времена, когда къ намъ не заглядывали европейцы и никто даже и не воображалъ, что на свѣтѣ существуютъ наши острова. Однимъ словомъ—лѣтъ двѣсти тому назадъ всѣ обитатели нашихъ острововъ были еще дикарями, а теперь по главному нашему городу Гонолулу бѣгаютъ электрическіе трамваи и въ нашей превосходной гавани, у гранитной набережной, стоятъ громадныя пароходы всѣхъ націй. Нашъ городъ не уступитъ по внѣшнему виду любому европейскому, отличается чистотой и весь тонетъ въ роскошныхъ тро-

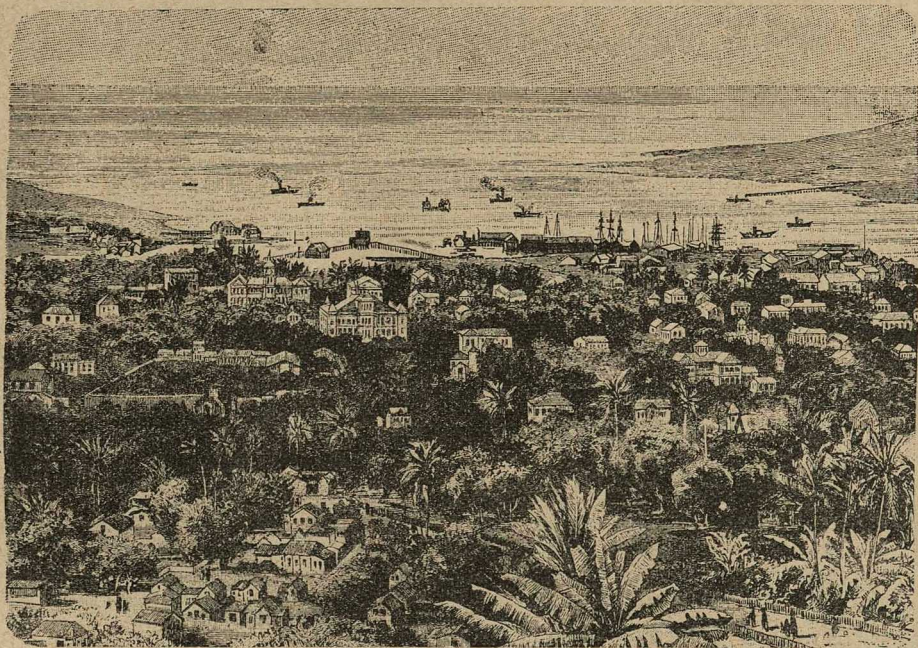
пическихъ садахъ. Его бѣленькіе, чистые дома съ зелеными ставнями, ласково выглядываютъ изъ палисадниковъ и нѣтъ двора, нѣтъ сада, въ которомъ не билъ-бы освѣжающій фонтанъ. Климатъ у насъ великолѣпный: и европейцы, и привезенныя ими животныя, чувствуютъ себя на нашихъ островахъ превосходно. Только двѣсти лѣтъ тому назадъ у насъ и понятія не имѣли, что такое крупный и мелкій скотъ, а теперь у насъ превосходныя лошади, тучныя волы, молочныя коровы, овцы и козы—и нѣтъ поселянина, у котораго не было бы двухъ или трехъ лошадей и коровъ.

Единственный нашъ недостатокъ—это вѣчная боязнь землетрясеній. Наши острова образовались отъ взрывовъ подводныхъ вулкановъ и теперь не проходитъ года, чтобы то тутъ, то тамъ не прорвалась сквозь землю лава и не произвела опустошеній. Самая высшая точка у насъ—это вѣчно дѣйствующій вулканъ Мауна Лоа. Онъ постоянно курится, а бываетъ и такъ, что по ночамъ его жерло изрыгаетъ красный, зловѣщій подземный огонь. Благодаря постояннымъ колебаніямъ почвы, на нашихъ островахъ почти совершенно нѣтъ проѣзжихъ дорогъ и экипажей и всѣ ѣздятъ только верхомъ,

пробираясь изъ селенія въ селеніе по свѣже натоптаннѣмъ тропинкамъ. Ыздить умѣютъ всѣ безъ исключенія, даже дѣвочки. У насъ считается высшимъ шикомъ, когда дѣвушка Ыздить верхомъ по мужски.

Нашъ пансіонъ находился на

скому языкамъ, исторіи, географіи и пѣнію и—главнымъ образомъ—домашнимъ работамъ и рукодѣліямъ. Изъ нашихъ воспитанницъ выходили отличныя хозяйки. Во главѣ пансіона стояла начальница, а ей помогали классныя дамы. Въ этомъ миломъ, поэтическомъ пан-

Гонолулу—главный городъ на островѣ Гаваи (Сандвичевы о-ва).

отдѣльномъ островѣ Оаху не такъ далеко отъ города Гонолулу. Онъ былъ расположенъ на обширномъ лугу съ сочной пушистой травой, обсаженномъ со всѣхъ сторонъ деревьями, и выходилъ окнами на лазурный Великій океанъ. По травѣ мы бѣгали и рѣзвились. Насъ обучали французскому и англій-

скому языку, исторіи, географіи и пѣнію и—главнымъ образомъ—домашнимъ работамъ и рукодѣліямъ. Изъ нашихъ воспитанницъ выходили отличныя хозяйки. Во главѣ пансіона стояла начальница, а ей помогали классныя дамы. Въ этомъ миломъ, поэтическомъ пан-

сіонѣ протекли лучшіе годы моей жизни. Я осиротѣла пяти лѣтъ во время страшнаго землетрясенія, когда въ раскаленной лавѣ во время изверженія вулкана Мауна-Лоа погибли мои отецъ и мать. Я была ихъ единственной дочерью и осталась послѣ нихъ богатой наслѣдницей,

но меня рано отдали въ пансіонъ и я совершенно уже не помню ни нашего родового имѣнія внутри острова Гавай, ни того дома, въ которомъ родилась. Ближе и роднѣе нашего пансіона для меня не было ничего и свою начальницу я любила, какъ родную мать. И она относилась всегда ко мнѣ, какъ къ своей дочери, и отъ нея я узнала въ послѣдствіи, что всѣ мои имѣнія проданы и вырученныя за нихъ деньги положены въ банкъ и будутъ предоставлены мнѣ полностью, какъ только мнѣ исполнится шестнадцать лѣтъ. Но я о деньгахъ вовсе и не думала и удовлетворялась тѣми суммами, которыя мнѣ присылали изъ банка на гостинцы. Въ пансіонѣ всѣ меня любили, и я чувствовала себя, какъ въ родной семьѣ. Но больше всѣхъ меня любила моя первая начальница миссъ Ламбертъ. Она приняла меня на свои руки тотчасъ-же послѣ смерти моихъ родителей и все время заботилась обо мнѣ до той самой поры, какъ мнѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ. Мы всѣ ее обожали. Каково-же было наше горе, когда мы узнали, что она выходитъ замужъ и намѣрена оставить пансіонъ и поселиться въ имѣніи своего мужа въ глубинѣ острова Гавай въ двухстахъ сорока верстахъ отъ нашего острова Оаху. Сначала никто изъ насъ этому не повѣрилъ, такъ какъ намъ казалось невѣроятнымъ, что

мы можемъ остаться безъ нея. Но миссъ Ламбертъ была родомъ изъ Америки, долго переписывалась со своимъ женихомъ капитаномъ Гамильтономъ—и вотъ онъ пріѣхалъ наконецъ со своимъ кораблемъ на наши острова, купилъ здѣсь себѣ имѣніе и увезъ отъ насъ нашу незабвенную миссъ Ламбертъ, которая стала его женой. Сколько слезъ было пролито при разставаніи! Какъ мы горько плакали, когда она уѣзжала! Но больше всѣхъ заливалась слезами я.

— Прощай, дорогая! обратилась она ко мнѣ — Не забывай меня. Я всегда буду тебя любить. Ты была для меня, какъ родная дочь.

Время, опредѣленная работа и молодость постепенно сгладили всю остроту моего горя, но я еще долго скучала по миссъ Ламбертъ, которая стала теперь г-жей Гамильтономъ. Ее замѣнила другая начальница миссъ Дэверсъ, которая тоже была очень добра ко мнѣ,—и дни потянулись за днями, а затѣмъ промелькнули и два года. Потомъ случилось это ужасное изверженіе вулкана.

Однажды въ апрѣлѣ я вышла на балконъ нашего пансіона. Всегда ясное и голубое, небо было на этотъ разъ какое-то мутное и непрозрачное. Какая то темная пыль наполняла воздухъ и хотя не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, но море бѣшено волновалось и его волны яростно разбивались о бе-

регъ. Было очевидно, что гдѣ-то недалеко отъ насъ прорвалась наружу лава и потекла по землѣ и что будетъ ужасное изверженіе вулкана. Затѣмъ раза два содрогнулась подъ нами земля и если не разрушился нашъ пансіонъ, такъ только потому, что былъ построенъ изъ легкаго матеріала. Здѣсь вообще, во избѣжаніе несчастій при землетрясеніяхъ, строить дома изъ бамбука и рогожъ.

На третій день къ вечеру къ нашему острогу приплылъ пароходъ изъ Гавай и сообщилъ раздирающія душу извѣстія. Оказалось, что вулканъ открылся именно на этомъ островѣ и что тамъ за эти дни было такое землетрясеніе, что ни одного зданія не уцѣлѣло. Въ довершеніе всего въ разныхъ мѣстахъ забили фонтаны изъ лавы и изъ удушливыхъ, вонючихъ, сѣрныхъ паровъ, которые мѣшали жить. Море бросилось изъ океана прямо на островъ и смыло всѣ прибрежныя селенія. На вершинѣ горы Мауна-Лоа поднялся столбъ огня и по бокамъ ея полились цѣлыя рѣки раскаленной лавы, ринувшейся на городъ Гонолулу. Обезумѣвшіе отъ страха жители бросились спасаться кто куда могъ, такъ какъ ждать откуда-нибудь помощи было невозможно. Мы уже ожидали изверженія вулкана, но эти сообщенія превысили наши предположенія. Несмотря на нашу молодость, я и мои подружки по

пансіону рѣшили принять участіе въ постигшей нашихъ сосѣдей бѣдѣ и хоть чѣмъ-нибудь облегчить ихъ положеніе. Но что мы могли сдѣлать, бѣдныя ученицы пансіона? Мы знали, что начальница насъ не отпуститъ. А между тѣмъ мы ужасались только при одной мысли о томъ, что теперь должна была испытывать наша милая г-жа Гамильтонъ со своимъ мужемъ и ребенкомъ? Вѣдь ихъ имѣніе находилось какъ разъ у самой подошвы горы Мауна-Лоа и если они не погибли всѣ отъ землетрясенія, то во всякомъ случаѣ должны были пострадать отъ пожара и, вѣроятно, потеряли уже все, что имѣли. Я дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Страхъ за мою вторую мать не давалъ мнѣ ни минуты покоя. Я перестала ѣсть и говорить и только и думала о томъ, какъ-бы отправиться поскорѣе на помощь къ г-жѣ Гамильтонъ.

Затѣмъ прибылъ съ Гавай другой пароходъ, который сообщилъ, что благодаря катастрофѣ, много женщинъ, дѣтей и стариковъ нуждаются въ немедленной помощи, что есть много раненыхъ отъ землетрясенія, обожженныхъ лавой и отравленныхъ ядовитыми испареніями. Теперь уже медлить было нечего. У насъ на островахъ не было тогда Краснаго Креста и сестеръ милосердія и нужно было снаряжать помощь лично.

Тогда наша начальница мисъ

Дэверсъ принялась за сборы. Она знала немного по медицинѣ и, выбравъ шесть самыхъ старшихъ изъ нашихъ воспитанницъ, собралась съ ними на Гаваи.

— Вы будете мнѣ тамъ помогать! сказала она имъ.—Надо спѣшить! Время не терпитъ. Дорога каждая минута!

Я стала просить ее взять и меня съ собой, но она не согласилась.

— Ты еще мала, сказала она.— Тебѣ еще всего только двѣнадцатый годъ! Къ тому-же ты—сирота, и я не могу брать на себя отвѣтственность за тебя передъ твоими опекунами!

Отъ горя я ничего не смогла возражать. Я разразилась громкими рыданіями на весь домъ и вбѣжавъ къ себѣ въ комнату, стала биться головой объ стѣну. Ко мнѣ вошла моя начальница и стала меня успокаивать, но я заявила ей, что я сойду съ ума, если ничѣмъ не буду полезна пострадавшимъ и если ничего не узнаю о г-жѣ Гамильтонъ. Я—краснокожая индианка и вѣроятно, выраженіе моего лица было таково, что миссъ Дэверсъ подумала и отвѣтила:

— Ну, хорошо... Поѣдешь со мной и ты... Только, пожалуйста, будь осторожна!

Я обрадовалась, бросилась къ ней и стала ее обнимать и цѣловать.

— Да, хорошо, хорошо! отбива-

лась она отъ меня.—Нельзя-же такъ душить и такъ крѣпко цѣловать! Выслушай меня, что я тебѣ сейчасъ скажу!

Я напрягла все свое вниманіе.

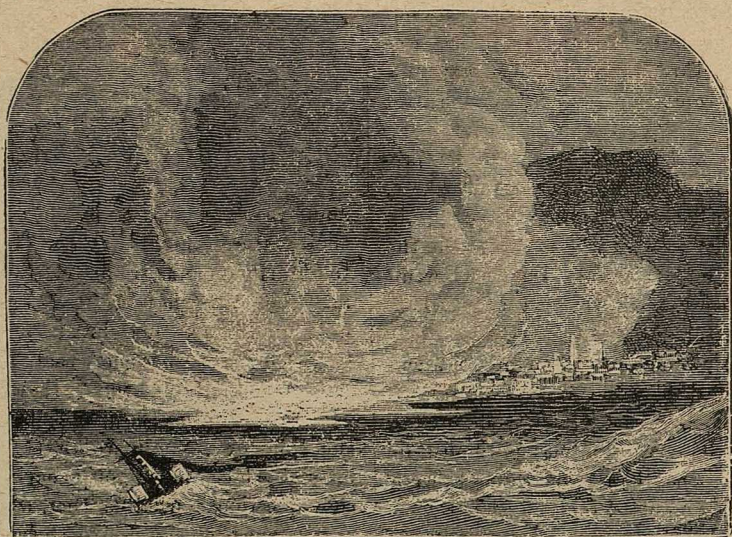
— Раненые нуждаются въ помощи, продолжала она, — многіе изъ нихъ бѣдняки.. Ты-же дѣвочка богатая. У меня хранятся сейчасъ присланные тебѣ изъ банка проценты—триста пиастровъ. Ты хорошо-бы сдѣлала, если-бы пожертвовала ихъ на бѣдняковъ. Ты согласна?

Вмѣсто отвѣта, я снова бросилась къ своей начальницѣ на шею и стала ее цѣловать.

Получивъ разрѣшеніе ѣхать на Гаваи, я тотчасъ-же успокоилась и стала собираться въ дорогу такъ какъ привезшій извѣстія пароходъ возвращался обратно на слѣдующее-же утро. Цѣлый день я все думала о г-жѣ Гамильтонъ и имѣла какое-то тайное предчувствіе, что именно я спасу ее или, по крайней мѣрѣ, окажу ей большую помощь. Но до самаго послѣдняго момента я боялась, какъ-бы начальница не отмѣнила своего рѣшенія, и только тогда и успокоилась, когда оказалась наконецъ вмѣстѣ съ нею и со старшими своими товарками на палубѣ парохода.

Затѣмъ якорь былъ поднятъ, загудѣлъ гудокъ и мы отправились въ путь. Море бушевало ужасно и по мѣрѣ того, какъ

мы приближались къ Гавай, оно становилось еще бурливѣе отъ бившихъ на днѣ океана вулкановъ. Большинство изъ насъ заболѣло морской болѣзнью и спгло и только я одна крѣпилась и не давала себѣ воли. Пыль и дымъ въ воздухѣ становились все гуще и все непрогляднѣе, такъ что свѣтившее сквозь нихъ солнце

Было страшно и походило на адъ.

казалось темно - багровымъ. Даже въ открытомъ морѣ чувствовался запахъ сѣры, такъ что трудно становилось дышать. Кругомъ насъ по поверхности океана плавали массаи оглушенные рыбы и морскія животныя и диковинныя растенія, росшія на самомъ днѣ океана и вырванныя съ корнемъ землетрясеніемъ. Приближаясь къ Гавай, мы съ трудомъ могли рассмотреть очертанія острова и горы Мауна-Лоа, но сквозь туманъ дыма и пыли видѣли яркія вспышки лавы. Было страшно и походило на адъ. Слышались раскаты и гулъ подземнаго грома и небесной грозы, шумъ волнъ океана и какіе-то страшные, зловѣщіе звуки, долетавшіе къ намъ съ земли, и намъ казалось, что тамъ уже всѣ погибли и что мы идемъ туда на-

прасно, такъ какъ никого не останемъ уже въ живыхъ.

— Я не знаю, какъ приставать къ берегу! крикнулъ кому-то нашъ капитанъ со своего мостика.— Пока мы находились въ отсутствіи, весь островъ отъ землетрясенія перемѣнилъ свои очертанія. Вотъ здѣсь только вчера были утесы, а сегодня уже растутъ деревья и плоско. Отъ гавани не осталось и воспоминаній!

— Да, отвѣтилъ ему чей-то голосъ снизу.— Сколько погибло уже цвѣтущихъ селеній! Какъ пострадалъ городъ! Отъ набережной не осталось камня на камнѣ! Лава ринулась внутрь острова... Воображаю, сколько она надѣлала тамъ бѣдъ!

Сердце у меня забилося. Я вспомнила о моей второй матери и стала плакать.

Гнѣздышко.

Вечеръ.

— Что, если я уже опоздала? думала я.— Неужели я не спасу г-жи Гамильтонъ?

Пока мы подходили къ острову, зашло солнце и сразу наступилъ мракъ, сквозь который свѣтились только вспышки изверженія вулкана и красные потоки лавы. Капитанъ не отважился приставать къ берегу. Пришлось въ безсиліи заночевать среди моря. Когда-же наступилъ хмурый, туманный разсвѣтъ, то мы направились къ гавани, которая неожиданно оказалась совсѣмъ близко отъ насъ. Капитанъ сказалъ, что пока мы спали, насъ сорвало волненіемъ съ якоря и долго трепало въ разныя стороны по волнамъ, пока якорь снова не вцѣпился въ подвернувшееся дно. Мы подплыли къ гавани, но въ какомъ видѣ мы ее застали! Молъ былъ разрушенъ, набережная развалилась, отъ береговыхъ построекъ остались однѣ только кучи мусора и камня. Тоже было и въ городѣ. Отъ красиваго готическаго собора, въ которомъ я такъ любила иногда помолиться, остались однѣ только стѣны. Половина населенія погибла уже подъ развалинами, многіе разбѣжались, и только нѣсколько сотенъ мужчинъ и женщинъ безнадежно бродили по опустѣвшимъ улицамъ, или-же ютились въ наскоро устроенныхъ шалахахъ. Всѣ они были разорены и нуждались въ немедленной помощи. Мы тотчасъ-же

стали раздавать имъ привезенную провизію и деньги и перевязывать раны. Я отдалась этому дѣлу всей душой. Надо мной гремѣли раскаты изверженія, рядомъ со мной рушились и падали постройки, а я съ самоотверженіемъ разыскивала женщинъ и дѣтей, промывала имъ раны и дѣлала перевязки.

— Благослови тебя Богъ! слышались голоса.— Онъ послалъ къ намъ въ тебѣ своего ангела!

И все время я неотступно думала о своей бывшей начальницѣ.

— Какъ-то она тамъ? задавала я себѣ вопросы.— Жива-ли она? Не сторѣла-ли уже ихъ усадьба? Успѣли-ли они спастись?

И вдругъ кто-то крикнулъ:

— Смотрите! Лава устремилась въ сторону долины Вайогины!

Я вздрогнула.

Какъ разъ на долину Вайогины находилось имѣніе г-жи Гамильтонъ.

— Теперь ужъ тамъ все погибнетъ! закричалъ кто-то другой.

Я выронила изъ рукъ бинты и опустилась на камень. Но не время было падать въ обморокъ и давать волю чувствамъ. Я побѣжала далѣе въ городъ, разыскала г-жу Дэверсъ и своихъ подругъ и сообщила имъ тяжкую новость. Онѣ смутились.

— Теперь ужъ намъ туда вовсе не попасть! вздохнула г-жа Дэверсъ.— Если лава полилась съ

вулкана туда, то намъ ужъ черезъ нее не перейти.

Я и всѣ мы едва могли дышать отъ сѣрныхъ паровъ.

— Но мы не будемъ терять надежды! воскликнула я.— Попробуемъ! Я убѣждена, что мы еще успѣемъ помочь г-жѣ Гамильтонъ! Быть можетъ, она уже бѣжитъ со всѣми своими домашними сюда! Богъ намъ поможетъ! Онъ поддержитъ насъ!

— Но я уже устала, отвѣтила начальница.— Мы всѣ выбились изъ силъ. Я едва держусь на ногахъ. Подождемъ до завтрашняго утра!

Мы дѣйствительно работали уже цѣлый день и ничего еще не фли. Наступалъ вечеръ и нужно было подумать о ночлегѣ. Но я ничего не хотѣла принимать во вниманіе и только плакала и повторяла:

— Моя милая г-жа Гамильтонъ! Что-же мнѣ теперь дѣлать? Какъ мнѣ теперь быть?

А изверженіе все болѣе и болѣе увеличивалось и теперь во мракѣ и я могла видѣть, какъ изъ самой вершины вулкана выбивалась красная лава и, уничтожая все на своемъ пути, стекала по скату горы и на цѣлые десятки верстъ огненные потоки уплывали куда-то вдаль въ сторону Вайоину.

Какъ вдругъ послышались голоса:

— Несутъ! Несутъ! Это пострадавшіе изъ селеній!

Какъ мы ни устали, но бросились къ вновь прибывшимъ раненымъ. Всѣ они получили ожоги ногъ и не могли идти. Мы тотчасъ-же приказали раскинуть палатки и внести ихъ туда и принялись за перевязки. На мое счастье одинъ изъ раненыхъ оказался пастухомъ какъ разъ изъ имѣнія г-жи Гамильтонъ. Потокъ лава засталъ его въ полѣ, когда онъ пасъ скотъ, и преградилъ ему путь домой. Онъ хотѣлъ было перепрыгнуть черезъ нее, но не смогъ и сильно обжогъ себѣ ноги. Вся одежда на немъ сторѣла и онъ уцѣлѣлъ только чудомъ. Кое-какъ онъ добрелъ до города, и затѣмъ лишился чувствъ, его замѣтили и взяли на носилки. Сама г-жа Дэверсъ принялась дѣлать ему перевязки, а я помогала ей, насколько хватало у меня силъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя. Я тотчасъ-же стала задавать ему вопросы о семьѣ Гамильтонъ:—

— Живы-ли они? Не погибли-ли?

— О, нѣтъ, барышня!.. отвѣтилъ онъ мнѣ слабымъ голосомъ.— Сколько я знаю, они всѣ цѣлы. Самъ г-нъ Гамильтонъ уже съ мѣсяцъ какъ уѣхалъ въ Америку и его не ожидали такъ скоро домой... Онъ еще не возвратился.

— А г-жа Гамильтонъ? А ея ребенокъ?

— Когда началось изверженіе, то они были у себя дома. Опасности для нихъ еще не представля-

лось. Но когда вдруг потекла на насъ лава, то я собственными глазами видѣлъ, какъ она съ ребенкомъ и со своими домашними выбѣжали изъ дома и направились въ надежное мѣсто на равнину. Я бросилъ коровъ и хотѣлъ было присоединиться къ нимъ, но земля подо мною разверзлась, я упалъ, потомъ вскочилъ, затѣмъ попалъ ногами прямо въ лаву—и вотъ я здѣсь. Я видѣлъ, какъ скоро въ запылала вся усадьба...

— Значить, г-жѣ Гамильтонъ удалось бѣжать? спросила я съ безпокойствомъ.

— Я не могу сказать этого на вѣрное, но думаю, что такъ.

— Далечно-ли она отсюда?

— Верстъ двадцать...

— Ну, такъ я отправлюсь сейчасъ къ ней сама!

— Это невозможно, барышня, предостерегъ меня больной.—Тамъ теперь все залито лавой и безъ опасности для жизни перейти черезъ нее нельзя.

Но я не хотѣла слушать никакихъ доводовъ и предостереженій.

— Это нисколько не устрашитъ меня! воскликнула я.—Оставаться здѣсь въ то время, когда г-жа Гамильтонъ, быть можетъ, страдаетъ и нуждается въ помощи,—я не могу! Быть можетъ, ей сейчасъ нечего ѣсть и пить и не съ кѣмъ подать сюда вѣсть! Нѣтъ, я больше не могу оставаться здѣсь и если

со мной не пойдетъ никто, то я отправлюсь туда къ ней одна!

Г-жа Дэверсъ и всѣ мои товарищи широко открыли отъ удивленія глаза.

— Успокойся, Эмма! сказала наконецъ начальница.—Ты забываешь, что ты еще дитя. Нельзя же дѣлать все, что взбредетъ тебѣ въ голову!

— Но вѣдь этотъ пастухъ говоритъ, что она еще жива... воскликнула я, глотая слезы.—Пока еще не поздно, ей надо помочь! Вѣдь она—моя вторая мать!

Я вспомнила о своихъ трехстахъ піастрахъ и вышла изъ палатки. Вокругъ нея стояло много любопытныхъ и ожидавшихъ помощи.

— Въ долинѣ Вайоину, крикнула я и забренчала деньгами,—сейчасъ находится въ опасности моя вторая мать! Ее зовутъ г-жа Гамильтонъ! Я дамъ сейчасъ сто піастровъ тому, кто рискнетъ сейчасъ-же отправиться туда къ ней и принесетъ мнѣ оттуда вѣсть!

Среди стоявшихъ было много разорившихся въ конецъ, для которыхъ предложенные мною 100 піастровъ могли-бы составить цѣлое состояніе. Но никто изъ нихъ не откликнулся,—такъ велика была опасность.

— Ну, двѣсти піастровъ! вновь закричала я.—Я предлагаю за это двѣсти піастровъ!

Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ мужчинъ подняли головы.

— Откуда-же она ихъ возьметъ? послышались вопросы.

Тогда я вытащила изъ кармана мѣшочекъ и потрясла имъ въ воздухъ.

— Все это получить тотъ, крикнула я,—кто найдетъ сейчасъ въ Вайогину г-жу Гамильтонъ!

Шестеро крѣпкихъ мужчинъ говорили между собой и подошли ко мнѣ.

— Мы согласны! сказали они.

— Въ такомъ случаѣ отправляйтесь сейчасъ же! скомандовала я.

И я стала одѣлять ихъ деньгами въ задатокъ.

Изъ палатки выбѣжали г-жа Дэверсъ и мои подруги и окружили меня.

— Ты хорошая дѣвочка, Эмма, обратилась ко мнѣ начальница. — Лучшаго примѣненія своимъ деньгамъ ты найти не смогла-бы. Ты сразу помогаешь и этимъ людямъ съ ихъ семьями, и г-жѣ Гамильтонъ!

— А что, если они найдутъ ее больной и неспособной стоять на ногахъ? воскликнула я.—Развѣ они сумѣютъ ей помочь? Развѣ они умѣютъ лечить?

Начальница задумалась.

— Ты права, дитя мое, отвѣтила она.—Я отправлюсь съ ними сама. Я тамъ буду нужнѣе, чѣмъ здѣсь. Я пошлю сейчасъ добыть мнѣ лошадь.

Сердце у меня забилося отъ радости. Теперь, или никогда,—и я рѣшилась.

— Въ такомъ случаѣ, сказала я,—прикажите достать двухъ лошадей.

— Зачѣмъ? удивилась начальница.

— Я тоже поѣду съ вами!

— Но ты еще глупа, запротестовала г-жа Дэверсъ.—Ты еще юна! Развѣ ты сумѣешь справиться съ опасностями?

Я обидѣлась.

— Я уже настолько взрослая, отвѣтила я,—что смогу и сумѣю умереть за другихъ!

— Умоляю тебя, Эмма, обратилась ко мнѣ г-жа Дэверсъ,—не настаивай на поѣздкѣ вмѣстѣ со мной! Если поѣдешь туда и ты, то я останусь здѣсь. Я не поѣду вмѣстѣ съ тобой!

— Да, да!.. закричали со слезами на глазахъ и мои товарки.—Пусть она останется съ нами! Она не должна ѣхать туда! Мы не хотимъ лишаться ея!

— Вотъ видишь? въ послѣдній разъ обратилась ко мнѣ начальница и вернулась въ палатку.

Я знала, что разъ она рѣшила, то оставалась неумолимой,—и отошла къ сторонкѣ. Въ душѣ у меня клокотало. Мнѣ хотѣлось рыдаться, но я взяла себя въ руки и стала казаться спокойной.

Черезъ полчаса подали лошадь и, забравъ съ собой перевязочный матеріаль и ѣду и питье, г-жа Дэверсъ стала съ нами прощаться. Шестеро проводниковъ стояли

кучкой поодоль. Дѣвочки рыдали въ три ручья, прощаясь со своей начальницей, — одна я оставалась спокойной и молчала.

— До свиданія! крикнула намъ начальница и дернула за уздцы. — Будьте осторожны! Ложитесь спать!

— До свиданія! отвѣтили ей воспитанницы. — Счастливаго пути!

Одна я молчала.

Маленькая экспедиція тронулась въ путь и скоро скрылась изъ виду.

Дѣвочки вошли въ палатку и стали укладываться на ночлеги.

— Отчего-же ты не ложишься, Эмма? обратились онѣ ко мнѣ. — Уже пора! Мы все такъ устали!

— Я вовсе не лягу! отвѣтила я коротко.

— Почему?

— Я сейчасъ уѣду разыскивать г-жу Гамильтонъ!

Все отъ удивленія разинули рты.

Я вышла изъ палатки и отправилась разыскивать для себя лошадь.

„Если я найду ее сейчасъ, думала я, — то еще успѣю догнать г-жу Дэверсъ за городомъ“...

А въ это время все еще злобно громыхалъ вулканъ, и раскаленная лава красными ручьями лилась у него по бокамъ.

Было страшно и походило на адъ.

(Изъ «Every girl's Ann»).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕГО БЕЗЖАЛОСТНО СРУБИЛИ...

Быль лѣсъ большой. Его соснамъ,
Должно быть, лѣтъ по двѣсти было
И, вѣроятно, по тропамъ
Звѣрье въ немъ разное бродило.

Кричали птицы; соловьи
Въ его опушкѣ распѣвали;
Жуки жужжали; муравьи
Большія кучи нагребали.

И звонкій, милый дѣтскій смѣхъ
Въ немъ временами раздавался,
Когда цвѣлъ ландышъ, зрѣлъ орѣхъ,
Иль первый грибокъ вдругъ появлялся.

Но вотъ явился человекъ,
И топоры вдругъ зазвенѣли...
И лѣсъ, стоявшій цѣлый вѣкъ,
Вдругъ повалился въ двѣ недѣли.

И стало пусто такъ, мертво,
Какъ будто близкихъ схоронили!..
— Гдѣ-жъ лѣсъ прекрасный? — Нѣтъ его,
Его безжалостно срубили!

Кузнечикъ.

П Р Я Х А.

(СКАЗКА).

На прялкѣ у тетушки Анны вертѣлось колесо и наполняло убогую комнату монотоннымъ жужжаньемъ. Собака спала, положивъ морду на лапы, и двѣ дѣвушки, сидя у окна, тихонько разговаривали между собой, разматывая шерсть.

— Тетушка Анна, расскажи намъ сказку!

— Сказку, дѣвушки? отвѣтила старушка. — Нѣтъ, зачѣмъ же... Лучше было изъ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда происходили на свѣтѣ чудеса. Моя бабушка слышала ее отъ своей прабабки, которая была такъ стара, такъ стара что позабыла даже, сколько ей и лѣтъ. Она рассказывала про жившую тогда Матрешу-пряху, такую же молоденькую дѣвушку, какъ и вы, только та была такая добрая, да хорошая, что лучше ея не было никого во всей деревнѣ.

Эта Матреша была самая искусная и самая ловкая изъ всѣхъ своихъ подругъ. Но зато она была и порядочно бѣдна. Крыша на ея избушкѣ грозила развалиться при первомъ же зимнемъ вѣтрѣ, въ щели такъ и дуло и бѣдной пряхѣ очень часто приходилось дрожать у своей печи, въ которой горѣли только жалкіе прутики, которые удавалось малымъ ребятамъ собрать въ лѣсу. И съ утра и до

вечера она сидѣла за пряжей и черезъ ея бѣлые пальчики проходили нитки еще бѣлѣе и такія же тонкія, какъ и свѣтлые волосы, которые спускались ей на лобъ. И нитки эти были такъ ровны, такъ хорошо скручены, что у всѣхъ богатыхъ барынь, которыя готовили своимъ дочерямъ приданое, даже слюнки текли.

— Иди, повеселись, говорили Матрешѣ иногда подруги, — потанцуй! Пора и отдохнуть!

Но она только качала головой и указывала на свою старуху-бабушку, безъ движенія лежащую въ постели.

— А кто поглядитъ за ней, отвѣчала она съ глубокимъ вздохомъ, — если я уйду? Кто позаботится объ этихъ маленькихъ? Нѣтъ, милыя мои, это не для меня!

И она опять глубоко вздыхала, потому что во всѣ времена танцы и веселье были пріятны для дѣвушекъ шестнадцати лѣтъ. И изъ всѣхъ дѣвушекъ — своихъ сверстницъ — Матреша была самая красивая; только, бѣдняжка, не досыпала и ея черты лица носили на себѣ признаки утомленія и отъ усиленной работы она была очень блѣдна; это была бѣлая лилія, расцвѣтшая въ тѣни и неизвѣстности, на которую смотрѣли только одни

ангелы съ неба. И несмотря на ея хлѣба. И стоило бы только бѣд-
тяжкій трудъ, нищета постоянно ной дѣвушкѣ заболѣть,—и ея ба-

Въ Англіи: Дѣдушка и внучка.

стучалась въ двери ея избы и въ ея старенькомъ дубовомъ шкафчикѣ никогда не было въ запасѣ бушка и братишки и сестры по-
умирали бы съ голоду. Какъ-то разъ осенью она сидѣ-

ла у себя на порогѣ и пряла. Было еще тепло и ясно. Какъ вдругъ она увидѣла дряхлаго старика, сторбившагося отъ лѣтъ, который шелъ по большой дорогѣ. Длинная сѣдая борода спускалась ему на грудь и лицо было все въ морщинахъ. Онъ опирался на боль-

Она поднялась со своей скамейки.

— Присядь, дѣдушка, здѣсь, сказала она. — Отдохни немножко. А я тѣмъ временемъ принесу тебѣ свѣжей воды и корочку черного хлѣбца, если у насъ онъ найдется.

Она помогла старику сѣсть, а

Пора домой..

шую толстую палку и всѣ члены его дрожали. Ноги едва шли въ изношенныхъ сапогахъ. Одежда вся была въ заплаткахъ. Онъ остановился передъ Матрешей.

— Подай мнѣ милостыню! обратился онъ къ ней.

Матреша никогда не отказывала тѣмъ, кто просилъ у нея помощи.

затѣмъ вошла къ себѣ въ избушку, гдѣ спала ея бабушка. Но когда она вернулась обратно, то увидѣла, что нищій уже лежалъ прямо на землѣ, весь блѣдный, такой блѣдный, что она испугалась и подумала, что онъ умеръ.

Страхъ наполнилъ ея душу.

— Дѣдушка! воскликнула она. — Что съ тобой?

— Я не могу идти далѣе, застоялъ старикъ.— Мои ноги устали, а между тѣмъ нужно, чтобы я шелъ...

— Мнѣ жаль тебя, возразила Матреша,— отдохни лучше здѣсь. Скоро наступитъ вечеръ,— куда тебѣ идти? Не можетъ-ли вмѣсто тебя сбѣгать кто-нибудь изъ нашихъ дѣтей?

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ.— Я долженъ идти самъ...

Онъ попробовалъ-было подняться, но тотчасъ-же снова опустился на траву.

— Нѣтъ не могу... сказалъ онъ.

И двѣ слезы показались у него на глазахъ.

Матрешѣ стало его жаль.

— Куда-же ты идешь? спросила она его.

— Я иду къ себѣ въ деревню, за десять верстъ, сказалъ старикъ и слезы потекли у него по щекамъ.— Тамъ сейчасъ умираетъ моя дочь и проситъ моего благословенія. Безъ него она не можетъ предстать передъ престоломъ Всевышняго и умоляетъ меня къ ней придти. И вотъ я несу ей свое благословеніе. Ты видишь, милая дѣвушка, что мнѣ нужно идти во что-бы то ни стало.

Матреша не отвѣтила ничего. Она поглядѣла на свою бабушку, недвижимо лежавшую на кровати, и на маленькихъ дѣтей, ковырявшихся въ травѣ, и на свою пряжу, которая теперь стояла безъ движенія.

„Если я пойду къ умирающей

вмѣсто этого старика“,—подумала она,—„то не буду работать и они останутся безъ хлѣба“...

А потомъ она еще разъ поглядѣла на старика. На его лицѣ было выраженіе страданія, и слезы выступили у него на глазахъ.

— Ну, что теперь дѣлать? задала она себѣ вопросъ.— Какъ поступить?

И она быстро приняла рѣшеніе. Она нагнулась къ старику и сказала:

— Останься, дѣдушка, здѣсь и отдохни, а я пойду вмѣсто тебя; укажи только мнѣ домъ, въ который я должна войти, и я передамъ твоей дочери твои слова, какія ты со мной пошлешь.

Лицо странника просіяло.

— Милая дѣвушка! воскликнулъ онъ.— Да благословитъ тебя Богъ! Домъ, о которомъ ты спрашиваешь меня,—самый первый въ деревнѣ, направо, весь въ розахъ, обвившихъ его почти сплошь. Передай той, которая теперь въ немъ лежитъ, что ея отецъ благословляетъ ее!

Матреша побѣжала къ подругѣ.

— Маша, обратилась она къ ней,—перенеси, пожалуйста, свою прялку къ намъ и погляди за моей бабушкой и за дѣтьми. Я скоро вернусь. Ты этимъ окажешь мнѣ большую услугу!

И, оставивъ старика лежать на травѣ, она отправилась въ путь. Старикъ все время крестил-

ся, а ея душа была полна безпокойства.

Долго она шла и наконецъ дошла до домика, сплошь заросшаго вьющимися розами, гдѣ умиравшая женщина считала минуты, чтобы получить отъ отца благословеніе. Матреша вошла въ него. И исполнивъ, то что было необходимо, она отправилась домой.

Она спѣшила, потому что наступала уже ночь, и съ безпокойствомъ вспоминала, что старикъ теперь, быть можетъ, хочетъ ѣсть или пить, а дѣти ходятъ вокругъ дома и плачутъ отъ голода. Что теперь она дастъ имъ ѣсть? Гдѣ она возьметъ хлѣба или денегъ?

Когда она возвратилась, ея бабушка спала, какъ и большую часть своего времени. Было поздно, очень поздно!—Старикъ куда-то исчезъ; сосѣдка уложила дѣтей и они спали, какъ ангелы. Засвѣтила полная луна. Ея блѣдные лучи проникали черезъ окно въ избу и въ ней было свѣтло, какъ днемъ.

Матреша очень утомилась, но тихая радость наполнила ея душу.

— Слава Богу, сказала она, — свѣтло: теперь я могу работать всю ночь и постараюсь наверстать потерянное время. Авось, заработаю на хлѣбъ!

И она сѣла у окошка. Прялка снова завертѣлась и запѣла свою монотонную пѣсню. Но эта пѣсня не будила никого. Всѣ къ ней

привыкли. Отъ радости и сама Матреша стала тихонько напѣвать.

И вотъ,—о, чудо! между ея пальцевъ засвѣтилась вдругъ какая-то странная нить, которая потянулась съ кудели отъ гребня и заблестала, какъ солнечный лучъ. Пряжа не вѣрила своимъ глазамъ.

— Что за странность! подумала она.

И она приглядѣлась къ своей пряжѣ.

— Она изъ чистаго золота! воскликнула она въ восхищеніи.

Да, это было золото, чистое золото, которое сверкало при лучахъ луны, золото, которое обѣщало ей теперь безбѣдное будущее и обезпеченный кусокъ хлѣба навсегда.

— Это Богъ послалъ мнѣ это счастье! воскликнула Матреша и снова принялась за работу.

Полная радости, она быстро завертѣла колесомъ.

Всю ночь напролетъ волшебная нить тянулась у нея между пальцевъ и всю ночь передъ глазами у Матрешы проходили счастливая, хоть подъ конецъ своей жизни, бабушка и братья и сестры, которымъ уже не придется больше терпѣть нужды. И безпредѣльная благодарность наполнила душу молодой дѣвушки и въ избыткѣ чувствъ она только могла повторять:—„Слава Богу! Слава Богу!“.

А на утро, усталая, она закрыла глаза и стала дремать.

— Я еще попряду и завтра вечеромъ,— подумала она и заснула крѣпко.

Но вечеромъ золотая нить уже болѣе не появлялась. И если бы не катушки золотыхъ нитокъ, которыя доказывали, что все это дѣйствительно случилось на самомъ дѣлѣ, то Матреша могла бы думать, что видѣла сонъ. Но это было на яву.

И она стала богатой.

„Кто же былъ этотъ странникъ?“ думала она потомъ всю свою жизнь и никакъ не могла рѣшить этого вопроса.

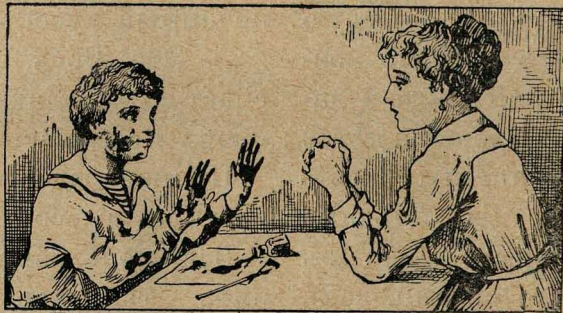
Забѣгала она и въ ту хижину, сплошь заросшую розами, въ ко-

торую она приходила когда-то къ больной. Но на хижинѣ уже не было розъ и тамъ встрѣтили ее совсѣмъ другіе люди, которые совершенно ничего не знали объ этой больной и очень удивились ея разсказу.

— У насъ никто не умиралъ уже двадцатый годъ,— отвѣтили они ей,—и ты вѣрно ошиблась.

Но Матреша вовсе не ошиблась. Она твердо знала, что была именно здѣсь, и еще болѣе убѣдилась въ томъ, что съ нею случилось какое-то странное, необъяснимое чудо, какое случается развѣ только въ сказкахъ и больше нигдѣ.

Сверчокъ.

ПРОКАЗНИКЪ.

— „Сколько разъ я говорила,
Чтобы ты не бралъ чернила,
Чтобъ ты ими не писалъ!
Для чернилъ ты еще малъ!

А ты вымазалъ мордашку,
Руки, локти и рубашку,
Сталъ ты черенъ, какъ арапъ,
Не отмоешь тебѣ лапъ!“...

Такъ журила мать ребенка,
А онъ сталъ смѣяться звонко
И жалѣть, что не отпилъ
Изъ чернилицы чернилъ.

Кузнечикъ.

МОЯ ОБЕЗЬЯНКА.

Когда я былъ ребенкомъ, то мы жили на югѣ Россіи у моря. Однажды папа повелъ меня гулять на гавань, къ морю, гдѣ стояли у берега громадные пароходы и корабли и нагружались. Мы долго съ папой глядѣли на нагрузку, какъ вдругъ кто-то тронулъ меня за плечо.

— Купите обезьянку!

Мы обернулись и увидали передъ собой матроса. Онъ держалъ на рукахъ маленькую мартышку, которая нѣжно обняла его лапкой за шею.

— Самъ привезъ... продолжалъ матросъ. — Купите, господинъ, останетесь довольны.

Папа сторговался съ нимъ, далъ ему деньги и обезьянка стала моей. Я съ радостью схватилъ ее, прижалъ ее къ себѣ, а она обѣими лапками обняла меня также за шею и я ужъ не помню, какъ я добѣжалъ до дома и какъ встрѣтила насъ мама.

Эта обезьянка стала въ послѣдствіи моимъ лучшимъ другомъ и моей лучшей живой игрушкой. Мы такъ полюбили другъ друга, что, не видясь нѣкоторое время, начинали скучать. И если-бъ не переездъ нашъ въ Петроградъ, гдѣ меня отдали учиться, и гдѣ климатъ оказался очень не подходящимъ для обезьянки, то вѣроятно

она долго-бы еще жила на свѣтѣ и долго продолжала-бы оставаться членомъ нашей семьи.

Все время, пока она была жива, мы предоставляли ей полную свободу; она ходила по всѣмъ комнатамъ, взбиралась на столы, на шкафы, очень любила влѣзть на стоявшее около нашего дома дерево, прыгивала съ него на крышу и затѣмъ по водосточной трубѣ спускалась на землю. Это было ея любимымъ путешествіемъ. Когда мы переѣзжали лѣтомъ на дачу, то она сопровождала насъ на прогулки по окрестностямъ и по дорогѣ ловила бабочекъ и кузнечиковъ, которыхъ съѣдала съ большимъ аппетитомъ. При этомъ она часто кувыркалась по травѣ черезъ голову, какъ это дѣлаютъ мальчишки, или-же, подобравъ по дорогѣ палку, садилась на нее верхомъ и мчалась впередъ безъ оглядки. Одинъ разъ она выскочила изъ комнаты зимой и такъ обрадовалась снѣгу, что стала имъ обсыпаться. Это было для нея ново, такъ какъ снѣга она не видѣла никогда, и онъ казался ей забавнымъ.

У насъ были двѣ кошки и двѣ собаки, маленькая и большая. Она очень любила играть съ маленькой собачкой и очень боялась большой. Когда большая нападала

на нее, то она храбро вскакивала къ ней на спину и изо всѣхъ силъ начинала угощать ее оплеухами по обѣимъ щекамъ или-же, схвативъ ее за уши, начинала такъ за нихъ драть, что собака визжала и забивалась затѣмъ къ себѣ надолго въ конуру. Кошки ее сначала боялись, а затѣмъ привыкли къ ней. Она часто надъ ними потѣшалась. Отыскавъ гдѣ-нибудь шарикъ или пробку, она катала ихъ по полу, а кошки, широко распушивъ свои хвосты, старались ихъ поймать, воображая, что это мышь. Дѣло всегда кончалось тѣмъ, что обезьянка ловко выхватывала эти шарикъ или пробку у нихъ прямо изъ-подъ носа и убѣгала.

Если ей случалось увидѣть въ травѣ лягушку, то она останавливалась, какъ вкопанная, и долго не отрывала отъ нея глазъ, но и не трогала ея. Вѣроятно, ее занималъ собою этотъ невиданный для нея звѣрь. Одинъ только разъ она попробовала было взять ее рукой, но потомъ долго нюхала себѣ пальцы и ладонь и дѣлала гримасы.

У насъ былъ маленькій, свѣтлый чуланчикъ подъ лѣстницей. Здѣсь въ уголку для обезьянки былъ поставленъ ящикъ съ сѣномъ и положено одѣяльце. Въ этомъ ящикѣ она спала, укрываясь по шею одѣяльцемъ, точь-въ-точь, какъ человекъ. Около ящика были раз-

ложены у нея ея игрушки: шарикъ, три пробки, резиновый мячикъ и мой деревянный солдатикъ. Болѣе всего она любила играть этимъ солдатикомъ и клала его съ собою спать. Иногда она брала всѣ свои игрушки и прятала ихъ по всѣмъ комнатамъ, между шкафами, за пианино и т. д. и съ серьезнѣйшимъ видомъ начинала ихъ потомъ искать. Разыскавъ всѣ до одной, она относила ихъ потомъ въ чуланъ и разставляла по своимъ мѣстамъ. Прикасаться къ своимъ игрушкамъ она не разрешала никому, даже мнѣ, у котораго она сама же стащила деревяннаго солдатика и присвоила себѣ. Часто она воровала маленькіе блестящіе предметы и когда они пропадали, то мы всегда знали, гдѣ ихъ искать. Въ такихъ случаяхъ моя мама обыкновенно сажала ее къ себѣ на колѣни и безъ церемоніи запускала ей палецъ въ ротъ. Тамъ она опоражнивала ея защечные мѣшки и вытаскивала изъ нихъ все, что обезьянкѣ удавалось стащить за день и спрятать себѣ въ ротъ.

У меня были книги съ картинками и я садился иногда на полу, на коврѣ, и начиналъ ихъ перелистывать. Обезьянка тотчасъ-же присаживалась ко мнѣ и тоже начинала глядѣть въ книжки. У меня была естественная исторія, гдѣ были въ краскахъ нарисованы разныя насѣкомыя, жуки, кузне-

чки и бабочки. Въ первое время, увидѣвъ такого нарисованнаго кузнечика или жука, она быстро хватала его съ книги и очень удивлялась, что онъ по-прежнему преспокойно оставался на страницѣ. Но скоро она догадалась, что такихъ насѣкомыхъ ѣсть нельзя. Когда же она видѣла изображеніе змѣи, то боялась и отворачивалась отъ него.

Кормили мы ее всѣмъ, чѣмъ питались сами. Она очень любила зеленый лукъ и горчицу. Молока она не любила вовсе, а мясное ѣла неохотно. Но къ чему она положительно имѣла вкусъ, такъ это къ черниламъ. У насъ не было въ домѣ чернильницы, изъ которой она не попробовала-бы чернилъ. Если-же чернильница была устроена такъ, что ее нельзя было снять съ мѣста, то она обмакивала въ нее палецъ и обсасывала его, или же чертила имъ по бумагамъ, разложеннымъ на столѣ. Она очень любила пить красное вино, а съ пива любила снимать одну только пѣну. Мороженое приводило ее въ восторгъ. Земляника и крыжовникъ были для нея самыми вкусными ягодами. Но чего она положительно не выносила, такъ это табачнаго дыма: отъ него она чихала, морщилась и слезы текли у нея изъ глазъ.

Вставала она поздно, въ восемь часовъ утра. Прямо изъ своего чулана она шла въ столовую, гдѣ

мама уже готовляла кофе. Всякій разъ обезьянка боялась пропустить моментъ, когда мама зажигала спиртовку подъ кофейникомъ. Ставши на заднія лапки, она серьезно начинала смотрѣть на голубоватое пламя спиртовки, а когда кофе начиналъ кипѣть, то это приводило ее въ восторгъ. У насъ былъ двухэтажный кофейникъ и кофе съ шумомъ переливалось въ немъ изъ нижняго этажа въ верхній; это-то переливаніе и занимало ее. Отпивши кофе, я принимался за уроки, а обезьянка шла въ прихожую, брала оттуда старую головную щетку и торжественно вручала ее мамѣ. Мама начинала ее чистить этой щеткой отъ макушки головы и вплоть до кончика хвоста и это такъ нравилось обезьянкѣ, что она готова была простоять передъ мамой цѣлые часы. Но стоило только мамѣ начать мыть ей мордочку, какъ это приводило ее въ ужасъ.

Къ нашимъ гостямъ она относилась различно: однихъ любила, а другихъ прямо ненавидѣла. Къ тѣмъ, кого она любила, она приставала, дергала ихъ за платье и вообще съ ними заигрывала. Она влѣзала имъ на плечи, любила полежать у нихъ на колѣняхъ или поковыряться у нихъ въ бородѣ. Тѣмъ-же, кого она не любила, она высовывала языкъ, а иногда бросалась на нихъ. Такими нелюбыми была для нея тѣ, кто созна-

Въ прохладѣ.

Олени.

тельно наступалъ ей на ногу или на хвостъ, или-же нарочно обдавалъ ее изо-рта табачнымъ дымомъ. Больше всего она любила веселыхъ, благодушныхъ дѣтей. Къ нимъ она относилась чисто по-братски: любила играть съ ними и прощала имъ всѣ ихъ иногда злыя обиды.

Но особенную привязанность обезьянка проявляла къ моей мамѣ. Она любила ее, все время была около нея и когда однажды моя мама опасно заболѣла и ее перестали къ ней впускать, то она сразу стала печальной, тихой, перестала играть и цѣлые часы просиживала у двери въ спальную. Когда-же ее впустили какъ-то къ мамѣ на одну только минутку, то радостямъ обезьянки не было конца: она бросилась къ мамѣ въ постель, нѣжно прижалась къ ней и горячо обнимала ее за шею. Затѣмъ она выпила изъ пузырька лекарство, съѣла пилюли и убѣжала.

Обезьянка эта никогда не кричала все однимъ и тѣмъ-же голосомъ, какъ напримѣръ это дѣлаютъ кошки или собаки; напротивъ,

радость она выражала однимъ голосомъ, неприятное настроеніе другимъ и такихъ нотъ мы насчитывали у нея цѣлыхъ четырнадцать. Очень возможно, что она могла-бы даже и пѣть, если-бы Творецъ далъ ей понятіе о пѣніи.

Обезьянка эта очень любила солнце. Стоило только показаться хоть на минуту солнечному лучу, какъ она оборачивалась къ нему лицомъ, становилась на заднія лапы и начинала кивать ему головой. При этомъ она дѣлала ему знаки, манила его къ себѣ и радостно кричала ему что-то на своемъ обезьяньемъ языкѣ. Когда-же лучъ солнца появлялся на стѣнѣ, то она бросалась къ нему и старалась схватить его руками.

Это милое созданіе, этотъ нашъ близкій другъ, наша очаровательная живая игрушка все-таки не могла перенести нашего петроградскаго климата и на третью зиму зачахла и умерла. Мы долго плакали по ней и, когда ее не стало, долго не могли привыкнуть къ мысли, что ее уже нѣтъ.

С. В—нѣ.

У БЕРЕГОВЫХЪ КАМНЕЙ.

Разсказъ моего дѣдушки.

Мы ужасно любили, когда нашъ дѣдушка собиралъ насъ вокругъ себя и начиналъ намъ что-нибудь разсказывать. Жизнь его была интересна и полна приключеній и мы готовы были его слушать безъ конца. И всякій разъ, когда онъ къ намъ прїѣзжалъ, мы обступали его со всѣхъ сторонъ, усаживали его въ кресло въ тепломъ уголкѣ и говорили:

— Ну, дѣдушка, начинай!

И онъ никогда не отказывалъ намъ и всегда начиналъ. Мы слушали его съ захватывающимъ интересомъ и старались не проронить ни одного его слова. До сихъ поръ еще я отлично помню слѣдующій его разсказъ:

Я былъ еще мальчикомъ и въ тѣ далекія времена на нашихъ пустынныхъ берегахъ не было еще никакихъ другихъ селеній, кромѣ нашего рыбацкаго хутора, въ которомъ жило нѣсколько семей, добывавшихъ себѣ пропитаніе ловлей рыбы. Вдоль берега на далекомъ пространствѣ вправо и влѣво высывались изъ моря острые береговые камни и въ бурную погоду между ними яростно шумѣли волны. Невидимо для глазъ подъ водою торчали камни еще острѣе и о нихъ иногда разбивались лодки нашихъ рыбаковъ. Чтобы выѣхать изъ хутора въ море и снова возвратиться изъ моря въ хуторъ, нужно было умѣло пробираться между этихъ камней, такъ какъ въ то время въ нашихъ

мѣстахъ не существовало еще ни маяковъ, ни какихъ-либо знаковъ, по которымъ можно было-бы узнавать объ опасныхъ мѣстахъ. Въ темныя ночи, когда не было луны и кто-нибудь изъ нашихъ рыбаковъ запаздывалъ въ морѣ, наши смѣльчаки выплывали на лодкѣ къ самой послѣдней, торчавшей изъ воды, скалѣ и зажигали на ней костеръ. Это и служило запоздавшему маякомъ.

Я помню, какъ нѣсколько дней подрядъ дулъ сильный вѣтеръ и на морѣ была буря. Волны поднимались на невѣроятную вышину и съ страшнымъ шумомъ падали внизъ на камни. Пока могъ видѣть глазъ, всюду видѣлись громадныя пѣнистые гребни, съ дикимъ ревомъ мчавшіеся къ землѣ и разбивавшіеся о берегъ. Море было темно-свинцоваго цвѣта. Тучи низко нависли и готовы были пролиться дождемъ.

— Ну, осень! вздыхали наши женщины.—Такой бурной осени не было уже лѣтъ двадцать!

А тѣмъ не менѣе ѣсть было надо и наши рыбаки должны были выѣзжать въ море на ловлю. Ловилось плохо, но ждать когда прекратится непогода и можно будетъ выѣхать со всѣми снастями, было невозможно,—и наши смѣльчаки, несмотря ни на что, все-таки отправлялись въ море. И вотъ наступилъ наконецъ день, когда условленный срокъ давно уже прошелъ, а они съ моря такъ и не

возвратились. У насъ на хуторѣ всѣ встревожились, высыпали на берегъ и стали высказывать предложенія.

— Вернутся-ли они? то и дѣло спрашивала дѣвочка Даша, двумя годами моложе, чѣмъ я. — Доберутся-ли они сегодня назадъ?

— Воля Божья! отвѣчали ей старики. — Если успѣютъ добраться до ночи до того вонъ островка, то останутся живыми... Да они опытные рыбаки! Такіе-ли видали виды! Вернутся!

— Вѣтеръ-то, вѣтеръ-то какой!.. со страхомъ говорила одна женщина. — Такъ съ ногъ и сбиваетъ!.. Такъ волны и шумятъ!

— Да... протянулъ кто-то. — Наступаетъ уже вечеръ и скоро будетъ совсѣмъ темно... Хорошо было-бы зажечь на крайней скалѣ огонь...

Затѣмъ всѣ долго молчали и напряженно смотрѣли въ морскую даль. И вдругъ я увидѣлъ лодку.

— Лодка! воскликнулъ я съ радостью. — Да не одна, а двѣ!..

— И я тоже вижу! откликнулась одна изъ женщинъ. — Вонъ и третья! Двѣ впереди рядомъ, а другая подальше!

— Да, да!.. отвѣтили голоса. — Ну, слава Богу!.. Теперь ужъ они близко, спасутся... Но гдѣ-же четвертая?

— А кто на четвертой?

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и всѣ съ замираніемъ сердца стали ожидать, когда лодки пристанутъ къ берегу.

Часъ спустя, онѣ были уже у берега, были разгружены и вытаснены на берегъ, и ихъ владѣльцы сидѣли уже дома и обогрѣвались. О четвертой лодкѣ почему-то не

говорили совсѣмъ, вѣроятно надѣялись, что и она тоже успѣетъ добраться до хутора до ночи.

А между тѣмъ море волновалось теперь уже такъ, точно сорвалось съ цѣпи. Если отправиться на ту скалу, которая выдавалась изъ моря, и зажечь на ней костеръ, то все равно на это не рискнуть-бы теперь никто. Кому охота рисковать для этого жизнью? У кого нѣтъ подростковъ-дѣтей, о которыхъ послѣ некому будетъ позаботиться и которыя непременно должны будутъ остаться сиротами?

И всѣ ушли. На берегу остались только Даша, да я. Думая, что она одна, дѣвочка припала къ камню и тихонько плакала. Я подошелъ къ ней и потрогалъ ее за плечо.

— Чего ты плачешь? спросилъ я. — Не надо!

Дѣвочка подняла на меня глаза.

— Тятя тамъ!.. указала она на море. — Онъ не вернулся! Онъ утонетъ!

— Ничего!.. сказалъ я. — Онъ опытный рыбакъ! Онъ всегда найдетъ себѣ дорогу!

— Да на скалѣ нѣтъ огня! Никто не хочетъ развести костеръ!

Меня и самого давно уже смущало то, что никто не позаботился объ огнѣ. Какъ теперь было найти запоздавшему рыбаку проходъ между камней? Мысль о томъ, что можетъ погибнуть человѣкъ, пугала меня и я не зналъ, что отвѣтить Дашѣ. Бѣжать на хуторъ, поднять на ноги всѣхъ рыбаковъ, вернуть ихъ обратно на берегъ и требовать отъ нихъ, чтобы они зажгли на скалѣ огонь, развѣ я могъ по тогдашнимъ временамъ

это сдѣлать? Развѣ я могъ указывать старшимъ? И полный рѣшимости, я поднялъ Дашу съ земли.

— Вставай, сказалъ я. — Принеси мнѣ хворосту и дровъ. Я поѣду сейчасъ на скалу и зажгу тамъ для твоего отца костеръ!

Она посмотрѣла на меня большими отъ удивленія глазами.

— Ты? спросила она.

— Да, я... отвѣтилъ я. — У насъ — хорошая, прочная лодка. Она не разобьется... Я успѣю еще до ночи вернуться!

Даша схватила меня за руку и не хотѣла было пускать, но я вырвался отъ нея и убѣждалъ, а она постояла немного и отправилась за хворостомъ.

Десять минутъ спустя, я уже отправился въ путь. Море свирѣпѣло. Вѣтеръ рвалъ и металъ все на своемъ пути, и море обдавало меня цѣлымъ дождемъ соленыхъ брызгъ. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы вывести лодку въ море, но меня всякій разъ отбрасывало съ ней назадъ и нужны были прямо-таки нечеловѣческія напряжения, чтобы побѣдить веслами прибой. Но я гребъ, насколько хватало у меня силъ, моя лодка ныряла по волнамъ, точно птица и, сжавши губы, стиснувъ зубы, изогнувшись въ три дуги подъ тяжестью работы, я сползалъ съ одной волны на другую и медленно, но настойчиво подвигался все-таки впередъ. Побѣдивъ одно препятствіе, я принимался за преодоленіе другого. Иногда я оборачивался назадъ и въ далекой глубинѣ мрака видѣлъ берегъ, усѣянный камнями, и маленькую фигурку Даши.

«Впередъ!.. шепталъ я себѣ. — Не бойся ничего! Ты идешь спасать человѣка!»

Цѣлый часъ я боролся съ моремъ и наконецъ побѣдилъ его. Когда я былъ уже у цѣли, когда темная, мрачная, скользкая скала обрисовалась около меня во мракѣ, то я понялъ, что еще немного, и силы совершенно оставили — бы меня и я погибъ-бы непременно. Но вотъ ужъ я и около скалы. Я взмахиваю веслами еще нѣсколько разъ, подплываю вплотъ къ скалѣ, укрѣпляю лодку между двумя ея выступами, взваливаю на себя вязанку съ топливомъ, вскарабкиваюсь на самую вершину и зажигаю костеръ. Онъ вспыхиваетъ и вокругъ меня отъ его свѣта становится еще темнѣе, но я всматриваюсь въ темноту и далеко-далеко отъ скалы вижу точку, прыгающую по волнамъ. Это лодка. Она идетъ прямо на скалу. Если она не увидитъ моего огня, то сейчасъ же разобьется. Я подкладываю въ костеръ хворосту. Онъ съ трескомъ вспыхиваетъ и на далекое пространство освѣщаетъ море. Потомъ я выхватываю изъ костра головню и начинаю размахивать ею въ воздухъ. Лодка съ отцомъ Даши поворачиваетъ влѣво и благополучно минуетъ подводные камни и скалу.

„Слава Богу, онъ замѣтилъ меня!“ съ облегченіемъ вздыхаю я. „Теперь онъ въ безопасности!..“

Костеръ гаснетъ и теперь уже лучше видно, я вглядываюсь и уже ясно вижу, какъ далеко, на берегу, у самого хутора, выходитъ изъ лодки невредимымъ запоздавшій рыбакъ и какъ Даша подбѣ-

гаетъ къ нему и бросается ему на шею.

Теперь онъ уже дома. Теперь онъ спасенъ.

Я сбѣгаю внизъ, къ камнямъ, сажусь въ свою лодку, вывожу ее въ море и начинаю грести домой. Но силъ у меня уже больше не хватаетъ. Я чувствую, какъ какое-то облако заволакиваетъ мнѣ глаза, и смутно понимаю, что это отъ недавней непосильной борьбы съ моремъ. Мои руки уже не удерживаютъ весель, я разжимаю ихъ, весла выпадаютъ изъ нихъ,—и я безъ чувствъ опускаюсь на дно лодки. А кругомъ съ ревомъ несутся волны.

„Неужели я погибаю?“ думаю я въ послѣдній разъ.

А затѣмъ я закончу этотъ рассказъ уже со словъ Даши и рыбаковъ.

— Зажигайте огни! Берите скорѣе весла и спасательные круги! раздаются голоса, какъ только отецъ Даши является къ рыбакамъ.—Садитесь скорѣе въ лодки и плывите къ скалѣ! Тамъ недавно еще горѣлъ костеръ, но теперь онъ потухъ! Возвратившійся съ моря Иванъ самъ видѣлъ, какъ на скалѣ, у огня, былъ какой-то мальчикъ, который махалъ ему головней!

Рыбаки выбѣгаютъ на берегъ и начинаютъ суетиться около лодки. Въ сторонѣ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ кучкой и вглядываются въ темноту.

— Тамъ кто-то тонетъ! говорятъ они, указывая на темный предметъ, поднимающійся и опускающійся вмѣстѣ съ волнами.—Надо его спасти!

Только что возвратившійся

Иванъ и двое другихъ дюжихъ рыбаковъ садятся въ лодку, взмахиваютъ веслами и отчаливаютъ отъ берега, ихъ подхватываютъ волны и сразу выносятъ въ море.

Ночь. Темно. Дуетъ вѣтеръ, и шумитъ море. На берегу стоятъ рыбаки и молча смотрятъ вслѣдъ лодкѣ выѣхавшей ко мнѣ навстрѣчу. Женщины охаютъ и крестятся. А затѣмъ всѣ, стоящіе на берегу, видятъ, какъ ко мнѣ подплываютъ три рыбака, берутъ меня изъ моей лодки и перекладываютъ въ свою. Я все еще безъ чувствъ. Они взмахиваютъ веслами и везутъ меня къ берегу.

Они спасли его!.. кричатъ люди, стоящіе на берегу.— Они плывутъ уже назадъ, домой!..

И они видятъ, какъ мало-по-малу въ темнотѣ вырисовывается у берега лодка рыбаковъ. Когда она подплываетъ уже совсѣмъ близко, то волны опрокидываютъ ее и уносятъ съ собою въ море. Но это ничего. Всѣ трое рыбаковъ цѣлы и невредимы. Они схватываютъ меня на руки и пѣшкомъ идутъ со мною по поясъ въ водѣ...

Вотъ они уже на берегу. Всѣ бросаются къ нимъ, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, задаютъ имъ вопросы и начинаютъ приводить меня въ чувство. Я открываю глаза, обвожу ими всѣхъ и задаю вопросъ:

— Спасся-ли отецъ Даши?

Надо мной склоняется самъ Иванъ и говоритъ:

— Я спасся, не бойся... Это ты меня спасъ! Если-бы не твой огонь, то я навѣки остался-бы въ морѣ. Но ты не бойся!.. Теперь ты въ безопасности...

Я смотрю на него, хочу его разспросить подробнѣе и не могу. Меня опять берутъ на руки, вносятъ въ хату, окутываютъ одѣяломъ и кладутъ около тепло — истопленной печи.

Я засыпаю и даже во снѣ мнѣ пріятно, что я былъ полезенъ для другого и могъ-бы положить за него свою жизнь.

М. Ч.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Первое слово — напитокъ, второе — часть тѣла. Если послѣдній слогъ второго слова прибавить къ первому слову, то получится название водяной птицы.

Какія слова задуманы и какая это птица?

II.

Название русскаго писателя состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. буквы — 1. 5. 7. 10 означаютъ мѣру вѣса, 3. 2. 4. 5. 6. 7. 10 — починку, 1. 2. 9. 10 — хищнаго звѣря, 9. 8. 3. 5. 6. 10 — птицу, 7. 2. 3. 2. 4. 10 — жилище, 4. 8. 1. 5. 7. 10 — плотничій инструментъ.

Какія это слова? Какъ фамилія писателя?

III.

Почему выростають репейникъ и крапива, когда ихъ вовсе не сѣютъ?

IV.

Кто садится верхомъ, а ноги закидываетъ за уши?

V.

Задуманы три слова, означающія:

1. Принадлежность королей и королевъ.

2. Водяное животное.

3. То, что продають въ лавкахъ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ название предмета, необходимаго въ хозяйствѣ.

Какія слова задуманы и какой это предметъ?

VI.

Почему люди ходять въ очкахъ?

OTOMAN EMPIRE
MINISTRY OF THE ARMY
MILITARY MEDICAL DEPARTMENT

NO. 1000
1910

TO THE
HONORABLE
MINISTER OF THE ARMY
CONSTANTINOPLE

FROM
THE
MEDICAL DEPARTMENT
CONSTANTINOPLE

REPORT
ON THE
RESULTS OF THE
MEDICAL EXAMINATIONS
CONDUCTED IN THE
ARMY HOSPITALS
DURING THE YEAR
1910

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

 Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
12 ИГРЪ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“ • Повесть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.,

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ • Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.